

Равнение "под-одно"

(из памятной книжки)

Оригинал здесь: Факультет журналистики ТГУ.

<...> Осенью прошлого года во всех почти поволжских губерниях оказался страшный неурожай: хлеб тотчас после уборки достиг огромной цены, почти двух рублей за пуд, а спустя месяц стал дороже двух рублей. Печеный хлеб в Самаре, Саратове, этих житницах России, начал продаваться по небывалой цене -- 4 и 5 коп. фунт. Неурожай и голод очевидны. Люди, принимающие близко к сердцу народное горе, писали корреспонденции в газеты, переполненные ужасающих подробностей: то вы читаете, что в такой-то деревне вдова-крестьянка повесилась от голода; то вам рассказывают о целых деревнях, голодающих сплошь. Корреспондент посещает жилища крестьян и в каждом из них находит истомленных, опухших людей, которые ничего не ели вторые и третьи сутки. Хлеб, присылаемый из голодных мест в редакции газет, потрясает своим ужасным видом. Появляются описания таких пищевых изобретений, от которых волос становится дыбом: один мужик на глазах корреспондента ел чуть не осиновое полено; веником он вымел амбар, в котором не было нечего, кроме куриного помету, прибавил туда лебеды, сена, осинового коры и всё сие, замесив, поставил в печь (которая очень часто бывает совершенно нетопленная, так как дров купить не на что). Но и этой пищи (!!), прибавляет корреспондент, едва ли хватает семейству, состоящему из семи душ. К описаниям таких ужасных съестных припасов, прибавлялось обыкновенно, что скот продан за бесценок; коровы продавались за один рубль и много два, жеребята двухлетние покупались за 50 коп., телята по гривеннику, а лошадей отдавали почти даром". Под впечатлением этих ужасов самый язык корреспонденции как бы озверинелся, так как о людях начали писать только как о голодных ртах; вместо слова "человек" стали писать "едок". В семье столько-то "едоков". Иногда писалось: "столько-то ртов". Одни ужасы следовали за другими... А в то же время такие совершенно непреложные, неопровержимые факты, как "голод" и "неурожай", начали осложняться новым неожиданным и совершенно загадочным элементом, а именно: хлеб, который тотчас после урожая стоил 2 р. пуд, начал дешеветь. Что это значит? -- вопрошает недоумевающий читатель. А между тем, что ни день, то цена хлеба ниже да ниже. В августе она была два рубля, в январе -- около полутора, в феврале -- еще меньше, а в марте -- 90 коп. Что за чудо? Откуда такая благодать? В самое обыкновенное, более или менее урожайное время всегда хлеб дорожает к весне, потому что как бы его ни было много, а его съедят за зиму, к весне его останется меньше и цена ему будет дороже. Тут же происходит что-то невероятное. Хлеба не могло быть потому, что неурожай полный, видимый, ясный для всех и каждого. Опухшие мужики -- не фантазия, а факт, удостоверенный сведущими и добросовестными людьми. Кроме того, из этого неурожая сравнительно самая большая часть собранного зерна куплена-таки иностранными торговцами и увезена за границу. Хлеба, стало быть, осталось в обращении ничтожная часть, да и из этой ничтожной части приобретено земствами голодающих мест тоже масса хлеба, крайне по размерам недостаточная для самого умеренного прокормления населения. Но хотя земство и не могло приобрести столько, сколько требовалось, все-таки оно приобрело столько, сколько было можно. Этот приобретенный земством хлеб должен быть съеден народом. Хлеба нет -- очевидно, а хлеб все дешевле и дешевле... К маю месяцу, когда обыкновенно хлеб ужасно дорог, он оказывается по 60 коп. пуд, в июне -- 70 коп. Что за чудеса? Откуда взялся хлеб? Если предположить, что его завезли из других урожайных мест, то не говоря уж о затруднениях перевозки в распутицу, -- затруднениях, прямо лежащих на цену хлеба и увеличивающих ее, весной обыкновенно везде хлеб дорожает, везде его мало, да, наконец, там, где хлеба было бы много, он, наверное, уж продан, по примеру прежних лет, на месте, -- продан туда же и тем же лицам, как и прежде, -- израсходован, как расходовался всегда. Во всяком случае если бы хлеб и оказался привозным, то цена ему никак не могла упасть, он не мог подешеветь никоим образом. Раз на такой огромной территории, как Россия, оказывается такое пустое, бесхлебное место, как голодающее Поволжье, какой бы где бы то ни был урожай, распределенный равномерно в урожайных и неурожайных местах, должен бы был везде повысить цену хлеба, так как его стало бы меньше даже и в урожайных местах, и, стало быть, везде хлеб должен был дорожать к весне, т. е. по мере того, как его съедают, а между тем подивитесь, хлеб начинает дешеветь и что ближе к весне, то больше, и притом где же? -- в том самом месте, где осенью люди ели кору, где баба повесилась с голоду, где продавали ребят... А хлеб все дешевле и дешевле... И в конце концов недоумевающий читатель газет поражен таким известием, опубликованным в одном из весенних номеров любой газеты: "Крестьянин такой-то выехав на базар